

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографического Отдѣленія

В. И. Ламанского

и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова

Выпускъ III

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117.
1908.

ТУНГУССКІЯ ПРЕДАНІЯ.

Помѣщаемыя ниже тунгусскія преданія записаны мной въ Туруханскомъ краѣ въ 1905 г., на обратномъ пути изъ Хатангской экспедиціи. По завершеніи ея главныхъ задачъ и раздѣленіи состава экспедиціи на двѣ партіи для слѣдованія въ обратный путь, мнѣ пришлосьѣ хать съ начальникомъ ея И. П. Толмачевымъ, направлявшимся на Олекминскъ на р. Ленѣ. Часть этого пути между оз. Ессеемъ и оз. Яконгдой мы совершили съ илимпейскими тунгусами. Въ пути на ночлегахъ, въ чумѣ у тунгусовъ, я занимался записываніемъ тунгусскихъ словъ и фразъ и собирааніемъ этнографическихъ свѣдѣній. При этомъ же мнѣ были сообщены и предлагаемыя преданія. Главнымъ рассказчикомъ былъ тунгусскій князь Николай Хирагиръ, по прозвищу Чунго,—человѣкъ выдающійся по уму въ своей средѣ. Только одно преданіе „Умна“—рассказано другимъ тунгусомъ. Оба мои рассказчика не говорили на якутскомъ языкѣ, которымъ я владѣю, почему приходилось пользоваться переводомъ тѣхъ, которые знали этотъ языкъ, записывая преданія уже на русскомъ языкѣ у себя въ чумѣ, непосредственно за разсказомъ. При этомъ я старался держаться возможно ближе его духа. Пять изъ этихъ преданій относятся исключительно къ тунгусскому быту. Одно,—озаглавленное мною „Юраки“,—по словамъ самого рассказчика, позаимствовано отъ юраковъ, на р. Енисѣй. Наконецъ, послѣднее—„Дыгын“—представляетъ, повидимому, одинъ изъ вариантовъ извѣстнаго якутскаго преданія, заимствованный отъ якутовъ и нѣсколько видоизмѣненный. Всѣ эти преданія приводятся здѣсь безъ всякихъ измѣненій, какъ были записаны мною въ то время, въ предположеніи, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ онѣ были воспроизведены съ большимъ сохраненіемъ колорита и что позднѣйшія поправки и передѣлки лишь отдалили бы ихъ отъ духа разсказа.

Уріан и Молуна.

Жилъ въ старину витязь, по имени Уріан. Онъ былъ прекрасный охотникъ и неустрашимый боецъ. Не было звѣря, котораго онъ не могъ бы догнать и убить; не было человѣка, который могъ бы противостоять ему; всѣхъ онъ побѣжалъ, лучше всѣхъ стрѣлялъ и былъ сильнѣе всѣхъ.

Далеко шла слава объ удаломъ, непобѣдимомъ витязѣ Уріанѣ; всѣ тунгусы о немъ знали и слышали, всѣмъ были известны его подвиги. Въ то же время жилъ другой тунгусскій витязь Молуна, такъ же знаменитый, одолѣвшій многихъ сильныхъ и главныхъ удальцовъ-тунгусовъ. Много наслышался и Молуна объ Уріанѣ и досадно ему было, что о немъ говорятъ менѣе, чѣмъ объ Уріанѣ, и видно; хотѣлось ему уничтожить славнаго Уріаня, но вступить съ нимъ въ открытый бой онъ не рѣшался. Слава объ Уріанѣ между тѣмъ росла да росла и не давала покоя Молунѣ. Наконецъ онъ собралъ своихъ людей и направился къ жилищамъ Уріана. Жилъ послѣдній на берегу одной рѣчки, гдѣ стоялъ его чумъ и чумы его людей. Подкрался Молуна со своими людьми къ рѣчкѣ вечеромъ; уже темнѣло. Уріанъ съ частью своихъ людей въ это время были дома. Молуна со своими людьми, держа въ рукахъ свои луки вверхъ подобно рогамъ, стали перебредать рѣчку. Уріанъ слышалъ, что на водѣ происходит что-то, и, увидѣвъ въ темнотѣ какіе-то торчащіе къ верху предметы вродѣ роговъ, рѣшилъ, что это дикие олени.

— Ну, утромъ поохотимся на нихъ, а теперь темно,—сказалъ не подозрѣвающій ничего Уріанъ и успокоился.

Люди его и работники разошлись тѣмъ временемъ по разнымъ дѣламъ, кто въ лѣсъ, кто куда. На одного изъ нихъ какъ разъ напали люди Молуны; схватили бѣднаго тунгуса, скрутили и привели къ вождю своему. Молуна посмотрѣлъ на схваченаго и говорить ему:

— Скажи намъ, какъ узнать твоего вождя, по какимъ примѣтамъ, и мы оставимъ тебя въ живыхъ, а иначе тебѣ грозить смерть.

Испугался плѣнникъ и говоритъ:

— Когда мы сядемъ за Ѣду, онъ одинъ лишь среди настъ будетъ сидѣть на камнѣ,¹⁾ и когда ему станутъ давать пищу, будетъ подставлять не голую ладонь, какъ мы, а таловыя стружки, чтобы не смягчить на пальцахъ кожу и мозоли отъ тетивы лука; вы это и примѣчайте.

— Хорошо, да смотри, не проговорись,—сказалъ Молуна.

Тунгусъ ушелъ и, конечно, никому не проговорился. Прошла ночь, наступило утро. Уріанъ со своими людьми сѣли на берегу у костра Ѣсть. Но только что онъ принялъ за Ѣду, какъ надъ головой его прожужжала стрѣла, пущенная изъ-за кустовъ рукой Молуны. Не ожидавшій ничего подобнаго, Уріанъ метнулся съ мѣста и

¹⁾ Въ тѣ времена люди садились за Ѣду не въ чумѣ, а внѣ его, вокругъ костра.

однимъ прыжкомъ, безъ всякаго оружія, перескочилъ черезъ рѣчку, но здѣсь его догнала вторая стрѣла Moluна и впилась ему въ икру ноги. Безоружный и раненый Уріан сѣлъ на берегу, а враги его тѣмъ временемъ, выскочивъ изъ-за кустовъ, стали осыпать его тучами стрѣль.

Однако—и безоружный, и раненый—Уріан такъ ловко отстраивался отъ направленныхъ на него стрѣль, что ни одна изъ нихъ не попадала въ него. Долго стрѣляли въ него, но все безъ результата. Наконецъ Уріан крикнулъ своимъ противникамъ:

— Что же вы одни все стрѣляете? Бросьте и мнѣ ктонибудь свой лукъ и стрѣлы, попробую и я пострѣлять въ васъ!

Никто, разумѣется, не бросилъ ему своего лука.

— Ну, все равно,—сказалъ тогда Уріан,—что мнѣ теперь мается хромому; скоро вы меня такъ ли иначе доканаете, такъ стрѣляйте же хорошенько!—и, закрывъ глаза, тотчасъ же паль, пораженный въ вѣсколькихъ мѣстахъ стрѣлами.

Moluна съ людьми очень скоро послѣ этого справились и съ людьми, и съ работниками Уріан'а. Жена Уріан'а сдѣлалась добычей побѣдителя, но передъ тѣмъ, какъ быть уведенной, успѣла спрятать маленькаго сына своего подъ опрокинутый котелъ.

Довольно далеко отъ мѣста побоища, въ сторонѣ, въ лѣсу, жилъ престарѣлый отецъ убитаго Уріан'а. Туда то и направился Moluна. Явившись къ старику, Moluна съ насмѣшкой сказалъ ему:

— Убили сегодня одного мойку¹⁾, но онъ оказался настолько худъ, что даже мозги растаяли²⁾.

Понялъ старикъ, какая участь постигла его сына, поникъ головой и проговорилъ:

— Какъ не быть сухимъ и не стаять мозгамъ, въ послѣдніе три года онъ одинъ своей охотой на дичь прокармливавъ семь семей.

Посмотрѣлъ Moluна на старика, на его дряхлость и, рѣшивъ, что не стоитъ убивать его, отправился къ себѣ домой. По его уходѣ старикъ пошелъ къ мѣсту табора своего сына, увидѣлъ его трупъ, нашелъ подъ котломъ мальчугана и, взявъ его съ собой, вернулся къ себѣ домой. Сталъ старикъ воспитывать своего внучка. Долго-ли, коротко-ли—неизвѣстно, сколько прошло времени—мальчикъ ужъ подросъ, сталъ рѣзвиться, поигрывать лукомъ и скоро сталъ и охотиться. Гоняясь за дичью, каждый разъ дальше и дальше отъ дома сталъ уходить сынъ Уріан'а: что ни день, то онъ позже и позже возвращался домой. Бродя такъ по лѣсамъ и лугамъ, между горъ и озеръ, онъ увидѣлъ однажды затесь на деревѣ, тамъ другую, третью. Затесь была старая, совсѣмъ постѣрѣвшая. Сталъ парень прослѣживать затесь и увидѣлъ, что она показываетъ чѣй то путь, идя въ одномъ направленіи, правильно и на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Вернувшись домой, парень сталъ разспрашивать дѣда—какія это затеси на деревьяхъ? Старикъ отдѣ-

¹⁾ Годовалый оленій теленокъ.

²⁾ Костный мозгъ оленя въ сыромъ видѣ—у тунгусовъ лакомое блюдо. У сухого животнаго онъ разжижается и теряетъ свой вкусъ, почему выбрасывается.

лался незапаниемъ. Заинтересовали парня эти старыя затеси, чуялось ему, что тут кроется какая-то непонятная для него загадка. Чаще и чаще сталъ онъ приходить къ этимъ затесямъ и пробовать прослѣдить ихъ и чаще и настойчивѣе разспрашивать о нихъ дѣда. Спрашивалъ онъ его и обѣ отцѣ своеимъ:

— Скажи же, дѣдъ, вѣдь долженъ быть у меня отецъ и мать; гдѣ же они, или что съ ними стало?

Но дѣдъ упорно молчалъ. Сталъ сынъ Уріанъа приходить къ загадочнымъ затесямъ еще чаще и прослѣживать ихъ еще дальше, такъ что началъ уходить уже не па день, а па вѣсколько дней и настойчивѣе приставать къ старику съ разспросами. Видѣтъ старикъ, что парень возмужалъ и окрѣпъ и что его не удержишь: того и смотри—уйдеть самъ, и рассказалъ ему все обѣ Уріанъа и его смерти.

— Былъ у меня Molunà,—добавилъ старикъ къ своему разсказу,—посмѣялся надо мной и сказалъ, что на обратномъ пути сдѣлаетъ затеси, чтобы его могли отыскать, если найдутся какие-нибудь родственники и мстители за Уріанъа. Но ты, дитя мое, не вздумай преслѣдовать его; ты знаешь теперь, какой у тебя былъ отецъ, и не плохъ долженъ быть человѣкъ, которому удалось убить его; не тебѣ съ нимъ тягаться.

Не таковъ былъ однако сынъ Уріанъа, чтобы его можно было испугать. Попрощался онъ со старикомъ, взялъ свои охотничьи снаряды и отправился въ путь. Долго онъ шелъ и пришелъ, наконецъ, къ старому кузнечу. Здѣсь парень остался на нѣкоторое время и заставилъ старика ковать себѣ оружіе, а самъ занялся охотой и прокармливалъ старика, пока тотъ ковалъ ему. Скоро старикъ выковалъ ему броню желѣзную и множество стрѣлъ, но догадываясь о томъ, кто можетъ быть его заказчикъ, долго уговаривалъ его—не ходить къ Molunà и вернуться обратно. Тотъ опять таки не послушался. Тогда старикъ указалъ ему путь къ Molunà и пожелалъ ему усилъха и тотъ снова отправился въ путь. Скоро показался лагерь Molunà. Спѣль сынъ Уріанъа съ себя броню, колчанъ со стрѣлами, отложилъ лукъ, спряталъ все это въ лѣсу и самъ, одѣвшись въ рваную одеженку, пошелъ къ чумамъ. По серединѣ лагеря стоялъ чумъ, сдѣланный лучше и просторнѣе другихъ. Рѣшивъ, что это и долженъ быть чумъ вождя, парень вошелъ въ него. Въ чумѣ были однѣ женщины, мужчины же ни одного.

Стали женщины разспрашивать парня, кто онъ, откуда и зачѣмъ ходить. Пришлецъ выдалъ себя за заблудившагося сироту, случайно набредшаго на жилье. Скоро стали слышны голоса возвращающихся съ охоты хозяевъ. Сынъ Уріанъа выглянулъ за дверь и, увидѣвъ подходящихъ къ чумамъ людей, сразу и безошибочно опредѣлилъ—кто изъ нихъ долженъ быть самъ Molunà. Дѣйствительно, скоро вошелъ въ чумъ самъ Molunà, и, замѣтивъ новое лицо, спросилъ, что это за парень. Тотъ самъ повторилъ ему то же, что передъ тѣмъ говорилъ женщинамъ.

— А накормили ли его?—спросилъ хозяинъ бабъ.

— Кормили,—отвѣтили тѣ.

Сталь Molunà тутъ разсправлять, какъ онъ убилъ когда-то Уріанъа, какъ дѣлалъ затеси, чтобы его могли найти.

— Видно, не было у Уріан'а родныхъ,—закончилъ онъ,—иначе пора бы кому-нибудь притти.

— Гмъ, такъ ты хвалишься, оказывается, тѣмъ, что убилъ его хитростью, изъ-за угла?!—воскликнулъ сынъ Уріан'а, вскочивъ съ мѣста;—я прослѣдилъ твой путь и пришелъ по твоимъ слѣдамъ!

Услышавъ это, Molunà кинулся на него съ ножемъ, но тотъ успѣлъ выскочить. Крикнулъ тогда Molunà своимъ людямъ:

— Держите и убейте этого мальчишку!

Но Уріан'овъ сынъ былъ уже далеко; онъ прибѣжалъ въ лѣсъ, къ тому мѣсту, гдѣ спряталъ свои доспѣхи, одѣлся, взялъ свои стрѣлы и лукъ и двинулся на встрѣчу людямъ Molunà. Тѣмъ временемъ и самъ Molunà, одѣтый и вооруженный, вышелъ къ своимъ людямъ, а тѣ уже начали стрѣлять въ пришельца; уже цѣлыя тучи стрѣлъ летѣли на сына Уріан'а, но ни одна не могла попасть въ него, такъ какъ онъ увертывался и отклонялся отъ каждой изъ нихъ, между тѣмъ какъ люди Molunà одинъ за другимъ падали пораженные стрѣлами пришельца; ни одной стрѣлы онъ не пустилъ мимо; что ни выстрѣль—то убитый или смертельно раненый. Со свистомъ летѣли его смертоносныя стрѣлы, опустошая ряды его враговъ. Мѣтко стрѣлялъ парень, ни разу не промахнулся и скоро перестрѣлялъ всѣхъ людей и работниковъ Molunà. Остались они вдвоемъ другъ противъ друга; у нихъ уже начали разрываться отъ стрѣлъ соединительные вязки броней, а сынъ Уріан'а все приближается къ своему противнику.

— Пощади, не убей; есть у меня дочь, возьми ее себѣ въ жены; дамъ я тебѣ за ней оленей и другого добра, сохрани только жизнь миѣ!—взмолился Molunà.

Парень опустилъ свой лукъ и пересталъ стрѣлять. Помирившись, Molunà дѣйствительно выдалъ за него свою дочь. Тутъ же сынъ Уріан'а нашелъ свою мать. Долго ли прожилъ здѣсь сынъ Уріан'а—неизвѣстно, только однажды онъ собрался въ обратный путь. Взялъ онъ свою жену, мать, оленей съ женинымъ имуществомъ и двинулся въ свою сторону. Дорогой, на обратномъ пути, онъ охотился. Иногда останавливались и дневали, тогда онъ уходилъ охотиться на цѣлый день. Однажды на одной изъ такихъ остановокъ ихъ догналъ Molunà, хозяина не было дома. Molunà зналъ это; онъ давно уже слѣдилъ за своимъ зятемъ и искалъ лишь удобнаго случая убить его. Выдача за него замужъ своей дочери была съ его стороны лишь хитростью, спасшей ему жизнь. Придя въ чумъ, Molunà приказалъ женщинамъ собрать всю кладь вокругъ чума. Когда женщины исполнили это, онъ сказалъ:

— Сынъ Уріан'а придетъ вечеромъ, поздно; я спрячусь здѣсь, между кладью. Вечеромъ, когда онъ будетъ возвращаться, вы откроите дверь чума ему навстрѣчу, и когда огонь освѣтить его въ темнотѣ—я застрѣлю его.

Женщины не посмѣли ослушаться. Залегъ Molunà между тюками и сталъ ждать. Наступилъ вечеръ, стемнѣло. Скоро послышались и шаги человѣка. Вотъ они ближе и ближе подходятъ къ чуму. Въ это время раскрылась дверь чума и огонь отъ костра освѣтилъ сына Уріан'а. Охотникъ подошелъ къ чуму и только что сталъ заносить ногу, чтобы войти, какъ мимо него прохождала стрѣла.

— Ну,
вориль съ
иѣсту, от
страда ис
долго бѣз
Уріан'ова
жизнь, а
свой путь.

Среди
Оран. Жи
себѣ рыб
ились къ
встрѣчай
ные нап
рѣкѣ, о
въ водѣ,
повѣшен
оружіе в
оружіемъ
Когда он
ихъ—уби

— Н

— Э

замѣтили

— В

зили тѣ,

— Ч

отправилъ

Прид

нѣть и

мѣста для

прорубая

поэтому

близко, ч

къ нему

какъ раз

стремлені

Выбилъ

лѣнъкихъ

‘Оран’ и

рубить мѣ

въ него

‘Оран’ ус

тицы. С

) Обоз

— Ну, Molunà, на этот разъ я тебя уже не пошажу,—противорилъ сынъ Уріан'а, сразу узнавъ своего врага, и бросился къ тому мѣсту, откуда прилетѣла стрѣла. Увидѣвъ, что промахнулся, что старая испытанная рука измѣнила, Molunà кинулся бѣжать; но не долго бѣжалъ онъ: стрѣлы, пущенные вѣрной и сильной рукой Уріан'ова сына, поразили его на смерть. Такъ кончилъ Molunà свою жизнь, а сынъ Уріан'а съ женой и матерью продолжалъ на утро свой путь.

Оран.

Среди Илимпейскихъ тунгусовъ былъ одинъ человѣкъ, по имени Оран. Жилъ онъ на рѣчкѣ и, перегораживая ее заколомъ, добывалъ себѣ рыбу. Однажды человѣкъ около тридцати тунгусовъ направились къ нему, чтобы убить его. На послѣднемъ ночлегѣ передъ встрѣчей съ нимъ двое изъ нихъ остались ходить, а остальные направились къ 'Оран'у. Подкравшись тихонько лѣсомъ къ рѣчкѣ, они увидѣли 'Оран'а. Тотъ былъ на своемъ заколѣ. Тутъ же въ водѣ, у закола былъ вбитъ развилистый коль, на которомъ былъ повѣшенъ его лукъ. Изъ предосторожности онъ не оставлялъ свое оружіе на берегу. Увидавъ 'Оран'а и неразлучность его со своимъ оружіемъ, тунгусы не рѣшились напасть на него и вернулись обратно. Когда они пришли къ оставшимся двумъ товарищамъ, тѣ спросили ихъ—убили ли они 'Оран'а.

— Нѣтъ,—отвѣтили тѣ и рассказали, что видѣли.

— Эхъ, вы, столько человѣкъ и побоялись напасть на одного!—замѣтили два оставшихся тунгуса.

— Вы говорите такъ, какъ будто вы можете убить его,—возвра-
зили тѣ,—такъ идите же сами и попробуйте убить.

— Что же, мы и пойдемъ!—сказали оставшиеся и дѣйствительно отправились.

Придя къ заколу, храбрецы увидѣли, что 'Оран'а тамъ уже нѣтъ и что онъ укочевалъ, причемъ шель, не выбирая чистыя мѣста для своего аргиша¹⁾, какъ дѣлали и дѣлаютъ обыкновенно, а прорубая цѣлые просѣки, если попадалась чаща. Двигался 'Оран' поэтому медленно и тунгусы скоро подошли къ нему настолько близко, что могли разсмотрѣть его. Тогда они обошли его и, зайдя къ нему спереди, спрятались за вывороченное корневище дерева, какъ разъ противъ пути 'Оран'а, такъ что послѣдній въ своемъ стремлѣніи итти прямо долженъ былъ непремѣнно выйти на нихъ.

Выбили они въ двухъ мѣстахъ глину съ корневища вродѣ маленькихъ окошекъ и стали ждать. Скоро дѣйствительно подошелъ 'Оран' и всего въ какихъ нибудь 2—3 саженяхъ отъ засады сталъ рубить мѣшавшее ему дерево. Одинъ изъ спрятавшихся пустыль въ него изъ своего окошка стрѣлу, но промахнулся, такъ какъ 'Оран' успѣлъ уклониться отъ нея, прокричавъ крикомъ какой то птицы. Страхъ тутъ напалъ на сидѣвшихъ въ засадѣ и они бро-

¹⁾ Обозъ.

сились бѣжать. 'Оран' пустилъ имъ въ догонку стрѣлу и убилъ одного изъ нихъ. Затѣмъ онъ закричалъ:

— Эй, подожди маленько, я не убью тебя!

Тотъ остановился. Подойдя къ нему, 'Оран' спрашиваетъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— А чтобы убить тебя,—отвѣтъ тунгусъ.

— А развѣ вы слыхали объ 'Оран'ѣ, что пришли убить его?

— Какъ не слыхать; всѣ говорятъ о тебѣ, вотъ и пришли мы.

— А много васъ?

— Да, порядочно,—отвѣтилъ тунгусъ.

— Ну, такъ я не убью тебя, какъ и обѣщалъ; теперь же ты ступай и скажи своимъ, что видѣлъ 'Оран'а и что одинъ изъ васъ поплатился за свое желаніе убить меня,—и 'Оран' мирно отпустилъ тунгуса.

Убить его больше никто не пытался.

Два брата.

Жили два брата: старшій, женатый—велъ хозяйство, младшій же, холостой парень—былъ лѣнтий. Однажды жена старшаго брата замѣтила, что къ нимъ подходятъ три вооруженныхъ луками человѣка, и сообщила своему мужу. Тотъ посмотрѣлъ и видѣлъ, что дѣйствительно идутъ люди и, какъ ему показалось, довольно подозрительные. Затѣмъ старшій братъ говоритъ, обращаясь къ младшему:

— Слушай, братъ! Если я увижу, что это худые люди, то я мигну тебѣ. Тогда ты скажи, что нужно приготовить дымокуръ для оленей (а надо замѣтить, что была комариная пора), и, выйдя, приготовь тихонько отказъ¹⁾ и лукъ.

Братъ ничего не отвѣтилъ. Тѣмъ временемъ пришли и замѣченые люди, всѣ вооруженные и очень подозрительного вида. Поговоривъ немного съ пришельцами, хозяинъ мигнулъ брату, потомъ еще разъ и еще, а тотъ и не смотрѣть на него; уставился глазами въ полъ и сидѣть себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ это время одинъ изъ пришельцевъ вытащилъ ножъ и ударилъ имъ въ лѣнтия; ударъ пришелся въ самое сердце и парень тутъ же умеръ. Увидя это, хозяинъ кое-какъ, въ чемъ былъ, успѣлъ выскочить на дворъ; ни лука, ни чего другого, кромѣ стараго отказа, онъ не успѣлъ съ собой захватить и пустился бѣжать. Пришельцы пустылись за нимъ, но имъ не удалось догнать его и онъ спасся. Нѣкоторое время онъ скрывался, но потомъ, когда вернулся наконецъ домой, то ни жены, ни чума, ни какого бы то ни было платья тамъ уже не оказалось. Все было ограблено и похищено; даже съ брата его, съ мертваго—было снято все, и онъ лежалъ голый. Ничего не осталось у бѣдняка, ни поѣсть или попить чего, ни одѣться во что, ни укрыться гдѣ отъ стужи; остался онъ въ одномъ лѣтнемъ платьѣ. Долго скитался бѣднякъ въ поискахъ своихъ обидчиковъ, питаясь чѣмъ Богъ пошлетъ.

¹⁾ Большой ножъ на древкѣ.

— Неужели жена моя, баба умная, не придумаетъ ничего, какъ вамъ опять соединиться? — думалъ онъ, а самъ все искалъ, да искалъ.

Наконецъ ему удалось напастъ на ихъ слѣдъ. Нашелъ онъ тутъ, на мѣстѣ одного изъ ночлеговъ, кусочекъ мяса, спрятанный его женой. Въ другомъ мѣстѣ онъ нашелъ старые уяты¹). Такъ находилъ онъ, идя изъ дня въ день по слѣдамъ, въ разныхъ мѣстахъ кой какія необходимыя для него вещи. Пока такъ скитался ограбленный мужъ, наступила уже осень; пошелъ снѣгъ, начались холода. Скиталецъ мерзъ, голодалъ, ночевалъ гдѣ придется, но шель все впередъ, пока наконецъ не открылъ убѣжища своихъ обидчиковъ. Однако онъ не могъ ничего подѣлать: похитители, три брата, изъ которыхъ старшій владѣлъ всѣмъ его добромъ и женой, всегда были на-сторожѣ. Между тѣмъ морозы росли. Наконецъ, въ одинъ морозный день, послѣ такой же ночи, старшій братъ говоритъ своимъ младшимъ братьямъ:

— Ну, врагъ нашъ теперь навѣрное уже замерзъ и болѣе не придетъ, такъ что опасаться намъ нечего больше.

— А порозъ²) вашъ былъ охотничій? — спросилъ онъ, обратясь затѣмъ къ своей плѣнницѣ.

— Да, былъ охотничій, — отвѣтила та.

— Въ такомъ случаѣ я отправлюсь сегодня охотиться, — сказалъ онъ, — вы тоже можете итти поохотиться, если хотите, — добавилъ старшій, обращаясь къ братьямъ, и дѣйствительно уѣхалъ на охоту за дикими оленями. Братья тоже уѣхали въ разныя стороны. Осталась плѣнница одна домовничать. Замѣтивъ, что всѣ разошлись изъ чума, слѣдившій за ними ограбленный мужъ пришелъ въ чумъ, гдѣ нашелъ свою жену.

— Ты еще живъ? — воскликнула обрадованная женщина.

— Да, живъ! Ну, а лукъ мой еще цѣлъ? — спросилъ въ свою очередь мужъ.

— Цѣлъ. Каждый изъ нихъ пробовалъ натянуть твой лукъ, но ни одинъ не смогъ.

Взялъ человѣкъ свой лукъ, но, обезсиленный долгимъ холоданьемъ и голоданьемъ, не могъ и самъ натянуть его. Женщина накормила его, напоила и спрятала, а пряча дала такой совѣтъ:

— Ты теперь голоденъ и слабъ, такъ не стрѣляй изъ далека, промахнешься, а выжди лучше и стрѣляй, когда они сядутъ за Ѣду, чтобы бить навѣрняка.

Мужъ такъ и рѣшилъ поступить, а самъ спрятался. Время шло; день близился къ концу. Къ вечеру, одинъ за другимъ пришли младшіе братья и такъ же, одинъ за другимъ, были убиты мстительной рукой стрѣлка. Наконецъ послѣднимъ сталъ подѣживать и старшій братъ. Порозъ подѣлъ нимъ, почувствъ стараго хозяина, сталъ хоркать³).

— Что ты хоркаешь? или пришелъ твой старый хозяинъ?! Нѣть,

¹⁾ Обувь изъ оленыхъ камусовъ (ножныхъ шкурокъ).

Ред.

²⁾ Нехолощеный самецъ.

Ред.

³⁾ Хрюканіе оленя, напоминающее хрюканіе свиньи, на сѣверѣ называють «хорканіемъ».

брать, шалишь; онъ ужъ теперь не придетъ; ужъ замерзъ поди гдѣ нибудь!—го орилъ сѣдокъ, сердясь на оленя и ванося ему удары палкой по рогамъ. Олень тѣмъ не менѣе не переставалъ хоркать. Подѣхалъ охотникъ домой, оглянулся, осмотрѣлся, но, не замѣтивъ ничего подозрительнаго, вошелъ къ себѣ въ чумъ. Женщина собрала свалился, пронзенный вражей стрѣлой; смертельно раненый, онъ тутъ же умеръ, едва успѣвъ сказать вышедшему къ нему врагу:

— Тамъ я убилъ сегодня дикаго оленя, такъ ты не бросай его; онъ жирный.

Мужъ же на утро, взявъ указаннаго дикаго оленя и забравъ съ собой жену, свое имущество и все, что принадлежало убитымъ, поѣхалъ на старое мѣсто, гдѣ жилъ раньше.

(Окончаніе слѣдуетъ),